

ПАРТИЙНЫЙ АКТ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА

В статье рассматривается точка зрения, обоснующая, что на определенном этапе развития советского общества партийные акты играли роль источников права. Дается историко-правовой анализ этого явления и доказывается, что акты партийных органов содержали в своем тексте нормы права и соответствовали всем признакам нормативно-правового акта.

Ключевые слова: *правотворчество; источники права; норма права; партийные акты; политические партии.*

The article considers the view to prove the idea that acts of a political party had significance as sources of law at a certain stage of development of Soviet society. Historical and legal analysis of this phenomenon is considered to prove that texts of the acts of the political organs contained legal norms and complied with all characteristics of a legal act.

Key words: *law-making; sources of law; norm of law; party acts; political parties.*

Партийный акт в традиционном понимании не относится к числу источников права. Однако в определенный исторический период развития нашего общества это было далеко не так.

Почему именно в советском государстве партийный акт приобрел статус источника права? Какие свойства политико-правовой жизни советского общества сделали возможным переход партийных норм в качественно новое состояние? Эти вопросы заслуживают особого внимания.

Для того чтобы какой-то официальный текст мог быть отнесен к источникам права, он должен содержать в себе нормы права. Так обладают ли этим свойством партийные акты?

По поводу признаков нормы права в научных исследованиях существуют некоторые разногласия. Общепринятой является позиция, согласно которой норма права должна содержать общее веление (правило) и быть общеобязательной. Но иные признаки нормы существенно варьируются.

Так, исследователи советского периода, основываясь на классовом подходе к пониманию права, акцентировали внимание на том, что признаки источника права в формальном смысле заключаются «в обязательном характере норм, в силе государственного принуждения, стоящей за этими нормами, а также в их соответствии интересам господствующего класса и установленному им правопорядку» [6, с. 431].

В настоящее время классовый характер как признак уже не столь популярен, но вот такой элемент как государственное принуждение, безусловно, является обязательным. Исследователи этой проблемы говорят, что норма права обеспечивается государственным принуждением, что она «обеспечена государством», «обусловлена государством» или имеет государственно-властный характер [23, с. 60; 2, с. 32], либо гарантируется силой (авторитетом) издавшего субъекта и охраняется государством [4, с. 66]. По сути, авторы имеют в виду сходные явления, но очевидно, что упускать из виду данный элемент нельзя.

Большинство авторов включают в список признаков формальную определенность нормы. Но содержание этого признака несколько варьируется — от необходимости точного и четкого описания обстоятельств, на которые норма распространяется, и определенности юридических последствий наступления данных обстоятельств [31, с. 188] до обязательности письменной фиксации нормы в строго определенных формах [4, с. 63]. Н.А. Пьянов справедливо указывает, что формальная определенность свойственна не всем нормам, а лишь тем, которые имеют письменную форму [28, с. 163].

В теоретико-правовых исследованиях представлены еще несколько признаков. На-

пример, такой, который указывает, что норма права является правилом поведения, регулирует общественные отношения, наделяет субъектов-участников правами и обязанностями, и др. Но при ближайшем рассмотрении можно заметить, что эти признаки свойственны не только нормам права, а социальным нормам вообще, поэтому как критерии они не имеют ценности.

Обобщая изложенное, можно заключить, что в качестве своеобразных «цензов» могут служить несколько показателей — то, что нормой права является общеобязательное, формально определенное и гарантированное государством правило поведения общего характера.

Очевидно, что для отнесения партийных актов к источникам права необходимо, чтобы они содержали общее правило (в соответствии с узкой трактовкой — только правило поведения), являющееся формально-определенным, общеобязательным и гарантированным государством.

1. Общее правило поведения как составляющая нормы партийного акта. Анализ партийных актов показывает, что их содержание может быть весьма разнородным.

В частности, многие акты содержат директивы обобщенного характера (например, шире развернуть работу по организации бедняцко-батрацких групп; усилить борьбу с бюрократизмом и т. п.) [11, с. 469, 569]; лозунги, декларации (в частности, о дальнейшем наступлении на капиталистические элементы, о том, что дело построения социализма в стране пролетарской диктатуры возможно в минимальные сроки, что 1929/30 год должен стать годом шага вперед в деле обобществления сельского хозяйства и т. п.) [11, с. 494; 12, с. 13, 17].; пожелания и поздравления («пожелаем же всякого успеха делу скорейшего объединения и восстановления партии») [9, с. 48]; констатации (например, что «с периода военной реформы 1924 г. достигнуты значительные успехи... в результате чего РККА к настоящему времени обладает подготовленным и политически устойчивым начальствующим составом...»; или наоборот, работа по обеспечению пятилетки кадрами поставлена неудовлетворительно) [11, с. 420; 12, с. 20] и др. В отношении таких положений партийных актов вопрос о соответствии норме права не ставится, так как они не содержат в себе правил поведения общего характера.

Но среди разнообразных конструкций, содержащихся в партийных документах, немалое место занимают и правила поведения.

Например, в русле решения жилищной проблемы Постановление ЦК КПСС от 17 апреля 1986 года требует от обязанных субъектов «...провести инвентаризацию жилого фонда...», «...разработать нормативные методы планирования строительства жилья...», «разработать градостроительные нормативы оптимального соотношения квартир для разных категорий семей...» [19, с. 257—258].

Можно заключить, что установлению правил поведения, судя по содержанию постановлений, инструкций, резолюций и решений партийных структур, отводится значительное место в партийных актах.

Но не всякое партийное распоряжение можно считать общим правилом и представить его как прототип нормы права.

Во-первых, наличие предписаний характерно не только для распоряжений общего характера, но и для индивидуальных актов, адресованных конкретным субъектам.

В некоторых случаях партийные акты адресовались конкретным организациям, территориальным властям. Например, Постановление ЦК ВКП (б) «О работе Шевченковской машинно-тракторной станции» от 11 августа 1930 года, «О состоянии партийно-массовой работы на Березниковском химкомбинате» от 1 сентября 1930 года [12, с. 191, 195], «О мерах помощи Амурской области» от 11 июля 1949 года [14, с. 198] и т. п. По сути, это индивидуальные акты, и большая часть содержащихся в них предписаний носят индивидуальный характер. В этом случае они не рассматриваются как возможные нормы права. Вместе с тем в данных постановлениях могут содержаться предписания и нормативного характера. Например, «... партийным и советским органам Дальнего Востока оказать помощь районам Амурской области...», т. е. всем партийным и советским органам.

Партийные акты могли быть адресованы даже конкретным лицам — Постановление Объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) от 2—23 октября 1927 года «Об исключении тт. Зиновьева и Троцкого из ЦК ВКП (б)» [11, с. 249], или «обязать коллегия министерства и лично министра т. Голдина Н.В...» [17, с. 11]. Подобные акты, безусловно, относятся к индивидуальным актам и норм права не содержат.

Таким образом, источниками права могут выступать лишь те партийные акты, которые содержат предписания общего характера.

Во-вторых, нельзя рассматривать как общее правило поведения так называемое «направление» деятельности.

Иногда в работах советских авторов указывалось, что партийные акты содержат не конкретные правила, а общие направления политико-правового характера [25, с. 103]. В отношении некоторых партийных актов это высказывание верно. Например, в решениях Пленумов часто обозначены именно общие направления деятельности партии и государственных органов — оживление Советов, улучшение советского аппарата [11, с. 44]; расширение поля деятельности кооперации [11, с. 141]; «окончательная ликвидация остатков паразитического класса», рост народного дохода [13, с. 106]; расширение прав союзных республик, упрощение и удешевление аппарата управления [15, с. 151—152] и т. п. Эти партийные решения нуждались в конкретизации с помощью других предписаний.

Но, помимо общих направлений и индивидуальных предписаний, значительную часть партийных документов (причем нередко тех же, в которых обозначены общие направления) занимают вполне конкретные, но неперсонифицированные правила, «общие веления», например, перейти к взиманию единого сельскохозяйственного налога в денежной форме; ликвидировать коллегии в наркоматах; увязать должностные оклады деканов университетов марксизма-ленинизма с количеством слушателей [10, с. 171—172; 13, с. 131; 16, с. 388; 19, с. 460]; ввести «повсеместное всеобщее обязательное начальное обучение детей в возрасте 8-9-10 лет...» [12, с. 184]; запретить по всей стране продажу спиртных напитков лицам, не достигшим 21 года [19, с. 24].

Можно заключить, что нормами права могут считаться только те обобщенные неперсонифицированные партийные предписания, которые содержат конкретное правило-действие, а не направление деятельности, например: заменить распределение молодежи через биржи труда распределением под наблюдением и руководством Наркомтруда через ведомственные органы [11, с. 475]; комитеты бирж труда реорганизовать в советы по регулированию рынка труда; при регистрации безработных выделять в особые группы рабочих и работниц и служащих, имеющих длительный производственный стаж [12, с. 57]; реформировать госаппарат, в частности, «ликвидировать функциональную систему» строительства советского хозяйственного аппарата и заменить ее производственно-территориальным принципом, ликвидировать коллегии в наркоматах [13, с. 130—131] и т. д.

Таким образом, во многих партийных актах содержатся предписания общего характера, которые вполне можно оценить как правила поведения, обладающие свойствами нормы права.

2. Общеобязательность как признак партийного акта. Общеобязательность является необходимым свойством нормы права. Однако каждый исследователь привносит в данное понятие свое авторское видение содержания данного свойства.

Так, С.В. Бошно считает общеобязательность элементом нормативности права, наряду с всеобщностью и неперсонифицированностью, и определяет ее как равное воздействие на разных субъектов [4, с. 65],

С.С. Алексеев понимал под общеобязательностью распространение нормы на участников отношений, независимо от их субъективного отношения, и выделял ее в качестве самостоятельного признака нормы права [3, с. 204].

Сходную позицию занимают авторы многотомного курса «Марксистско-ленинская общая теория государства и права». По их мнению, правовые нормы «характеризуются тем, что они обязательны для всего общества» [22, с. 183].

А.Ф. Черданцев представляет общеобязательность нормы как комплекс свойств, состоящий из общего характера нормы (т. е. то, что она относится не к конкретному субъекту, а ко всем гражданам или кругу субъектов) и обязательности как независимости нормы от субъективного отношения к ней) [31, с. 188]. Н.А. Пьянов выделяет те же аспекты, считая, что здесь представлено два свойства нормы — общий характер как неперсонифицированность правила и его обязательность [28, с. 163].

Названные подходы в основе своей отличаются следующим: является ли общеобязательность составной частью нормативности или самостоятельным свойством (признаком) нормы права. В нашем исследовании общеобязательность выступает как самостоятельный признак.

Но в этой трактовке есть рациональное зерно. Исходя из языкового наполнения, термин может означать необходимость следовать предписанию, которая распространяется на неограниченный круг субъектов, а в контексте изучаемой проблемы — не только на членов партии.

Таким образом, чтобы нормы, содержащиеся в партийных актах, имели правовой характер, они должны быть обязательны к

исполнению и соблюдению для всех граждан и коллегиальных субъектов или для определенного круга участников конкретной сферы отношений (не только на членов партии) независимо от их отношения к данному предписанию.

Анализ содержания партийных актов показывает, что данный признак проявляется во многих источниках.

Разумеется, речь идет, прежде всего, о тех актах, которые имеют внешний характер, адресованы не только коммунистам и структурным подразделениям партии. В.И. Нижечек писал, что понятие «норма партийной жизни» нельзя сводить только к тем нормам, которые содержатся в Уставе КПСС и различных инструкциях и регулируют внутрипартийные отношения. Как справедливо отметил автор, нормы партийной жизни, в широком смысле, — это любые правила, которые обеспечивают выполнение марксистско-ленинской партией роли руководящей и направляющей силы в социалистическом обществе [26, с. 246].

Но и так называемые внутрипартийные акты нельзя полностью исключать. В частности, Устав и решения партии, что признавалось всеми теоретиками, имели не только внутрипартийное значение, но и руководящий характер для деятельности всех государственных и общественных организации [22, с. 210].

На ранних этапах формирования советской правовой системы партийные нормы еще можно было считать не общеобязательными, но и тогда их статус был весьма заметен.

С.И. Раевич считал, что нормы «партийного законодательства» распространяются только на лиц, «добровольно приемлющих его в целом». Возможно, для начала 20-х годов это было справедливо, но и в этот период партийное законодательство нельзя было, по мнению автора, считать «сборником советов, могущих и не быть осуществленными... в зависимости от того, что наравится осуществляющему» [29, с. 95]. Таким образом, С.И. Раевич с позиций непосредственного участника событий указывает, что партийные нормы реализовывались независимо от субъективных мнений и желаний.

Правда, далее автор изрядно путается в круге подчиненных партзаконодательству субъектов: либо это только члены партии, и тогда партийные нормы «не менее настоятельны, чем приказания и запреты государственной власти для подданных», либо сюда

входят и государственные органы, так как автор вопрошает, носят ли обязательный и повелительный характер партийные предписания, устанавливаемые для членов партии и «органов порядка» [29, с. 96]. Источником колебаний, видимо, было то, что органы порядка, как назвал их автор, как раз и формировались из членов партии, для которых партийное предписание выступало как обязательное.

На более поздних этапах, в 30—40-х годах, сомнений в общеобязательности партийного акта уже не возникает. Это признают и те авторы, которые не придают партийным нормам «правовых свойств»: «Одни из содержащихся в партийных документах политические нормы регулируют внутрипартийные отношения, другие адресованы советским и хозяйственным учреждениям, комсомолу, профсоюзам, другим общественным и самодеятельным организациям, трудовым коллективам или даже всем членам общества в целом» [30, с. 52]. Даже нормы Устава партии, не говоря уже о решениях партии по вопросам государственного-правового характера, «имеют не только внутрипартийное, но и руководящее значение» и для государственных, и для общественных организаций» [22, с. 210]. А «руководство», как ранее было отмечено, сводилось к партийному диктату и невозможности самостоятельных действий и правотворчества государства.

Исходя из анализа содержания партийных решений, постановлений и резолюций, можно заключить, что круг субъектов, указанных в партийных актах, может охватывать как определенную группу лиц и организаций, так и распространяться на всех. В частности, некоторые пленумы и постановления ЦК партии обязывали в первую очередь «партийные, советские, профсоюзные, комсомольские и хозяйственные органы...», «партийные и советские органы», «органы прокуратуры, суда и юстиции» [15, с. 241, 254, 288, 455], и лишь через их деятельность касались граждан. Например, ЦК ВКП (б), обращаясь к хозорганам, велел «считать обязательным», чтобы при проектировании новых предприятий и расширении действующих производился точный расчет потребностей в рабочей силе [12, с. 54].

Но во многих случаях, особенно с 30-х годов, партийные акты распространяли свое действие на всех граждан и организации напрямую, не только через посредничество государственного аппарата. Например, Поста-

новление ЦК ВКП (б) «Об улучшении подготовки дела подготовки и использования кадров (по вузам, техникумам и фабзавучам)» регламентировало обязанности молодых специалистов и работодателей всей страны [13, с. 65]; Постановление «Об упорядочении финансов и учета в колхозах» требовало погасить задолженность перед колхозами все государственные, хозяйственные, кооперативные и общественные организации [13, с. 192], то же можно сказать и о многих других партийных актах. Решения съездов — пример наиболее широких по кругу адресатов партийных актов, поскольку за редким исключением затрагивают всех граждан, государственные органы и организации.

Таким образом, судя по содержанию многих партийных актов, партийные нормы соответствуют понятию норм права — укрепление позиций партии привело к тому, что ее распоряжения стали распространяться не только на членов партии, но и на государственные органы, общественные организации, граждан независимо от их партийной принадлежности. Характерны высказывания в юридической литературе того времени: «нет такой области общественно-политической, экономической, социально-культурной жизни, нет таких звеньев государственного механизма... где... не действовали бы нормы партийной жизни...» [26, с. 249], или «как решения правящей партии они имеют силу высшего авторитета для членов партии и всего общества» [22, с. 210].

Еще одна составляющая данного признака нормы права — это заключенная в ней обязанность подчиниться правовому предписанию.

Наблюдается ли эта обязанность в нормах партийных актов? Может ли субъект — адресат партийного решения, не принять его к исполнению, если его содержание не соответствует его желаниям и воле? Другими словами, обладает ли норма партийного решения императивным характером или она диспозитивна? В.М. Курицын отмечал, что партийные решения имели обязательный характер и подлежали исполнению как государственными органами, так и всеми учреждениями, организациями и гражданами без исключения [20, с. 57]. Более того, автор указал, что на практике партийные акты обладали большей юридической силой, нежели нормативные правовые акты. Это мнение имеет под собой основания.

Даже те, кто совершенно иначе видит роль и место партийных актов, тем не менее,

косвенно согласен с этим высказыванием. В частности, Р.Ф. Васильев считал, что одной из проблем актов исполнительной власти является то, что они противоречат «актам высших партийных и государственных органов...» [5, с. 5]. Представляется, что это мнение соответствует реальному статусу партийного предписания в общественной жизни. Если съезд, Пленум или ЦК принимал какое-либо решение, его выполнение не зависело от желания адресатов. Например, если ЦК или Пленум указывал, что необходимо изменить учебные программы преподавания в вузах, программы меняли независимо от мнения вузов [15, с. 105]; признавал педологию не нужной — сразу восстанавливалась в правах педагогика [13, с. 67], и т. п. Практически всегда, принимая очередное решение, партийный орган, не сомневаясь, указывал в числе структур, реализующих решение, не только партийные, но и советские, профсоюзные, хозяйственные и общественные организации [18, с. 150].

Дополнительным свидетельством обязательности партийных предписаний было то, что их соблюдение и исполнение находилось под неусыпным партийным контролем: «...министерствам и ведомствам СССР... о проделанной работе по выполнению настоящего постановления доложить ЦК КПСС...» [19, с. 259].

Это открыто признавали и сами советские исследователи: «КПСС... осуществляет систематический контроль за неуклонным выполнением партийных решений всеми государственными и общественными организациями» [27, с. 147]. Представляется, следовало бы задуматься, какова правовая природа партийных решений, если их исполнение не просто обязательно, но и подлежит контролю со стороны партии.

Подводя итоги, можно заключить, что и в отношении «ценза» общеобязательности нормы партийных актов соответствуют нормам права.

3. Формальная определенность партийного акта. С.С. Алексеев считал, что несмотря на абстрактный характер формулировки, норма — это прежде всего «формально-определенное правило» [2, с. 35]. Для А.Ф. Черданцева формальная определенность права заключается в точности и четкости описания обстоятельств, на которые распространяется норма, определенности юридических последствий, которые влечет наступление указанных нормой обстоятельств. Кроме того, автор обращает внимание на то, что определенности нормы способствует ее фор-

мулирование в строго определенных источниках [31, с. 189].

Обратим внимание на содержательную сторону партийных предписаний. Интересно отметить, что даже С.И. Раевич, пионер исследуемой нами теории «партийного законодательства», считал, что его нормы «мало стремятся к детальным указаниям и к точной их формулировке» [29, с. 99]. Во многом он был прав. Некоторые решения, постановления и резолюции настолько широки по охвату, что невозможно точно определить и обстоятельства и последствия действия партийных норм. В частности, в соответствии с постановлениями партии, в деле улучшения быта трудящихся партийные, советские и профсоюзные организации должны всемерно помогать этому движению, усилить работу по мобилизации средств населения [12, с. 118—119]; в целях развития сельского хозяйства — создать условия для ведения сельского хозяйства, не зависящего от погодных условий [16, с. 20], и т. п.

Однако наряду с неопределенными указаниями в партийных актах содержатся и максимально конкретные предписания, которые обладают всеми требуемыми свойствами. Например, распоряжение государственным органам к концу второй пятилетки полностью заменить электро- и газосваркой и газорезкой сваркой все клепальные работы — правило вполне определенное и четко сформулированное [13, с. 178]. То же можно сказать и о многих других нормах, содержащихся в партийных актах: XVI конференция ВКП (б) решила заменить распределение молодежи через биржи труда распределением под общим наблюдением и руководством Наркомтруда и его ведомственных органов (и именно на эти органы была возложена ответственность за выполнение решения) [11, с. 475]; Пленум ЦК ВКП (б), проходивший 25—28 октября 1934 года, признал необходимым «отменить с 1 января 1935 г. карточную систему снабжения», ввести единые государственные розничные цены и разрешить розничную торговлю, для чего Совнарком и советские и партийные органы, согласно постановлению Пленума, обязаны предпринять определенные действия, например, предоставить помещения под розничную торговлю [13, с. 184]; для ускорения обеспечения промышленности квалифицированной рабочей силой ЦК обязал управленческие структуры произвести учет, перераспределение квалифицированных рабочих, одобрил переброску работников с предприятия на предприятие и переквалификацию, в пер-

вую очередь безработных, для транспортной сферы хозяйства [12, с. 53—54]; в целях приобщения школьников к труду предписал передавать школам станки, инструменты и отходы, негодные на производстве, но необходимые для оборудования рабочих кабинетов [12, с. 360], и т. п.

Распоряжений такого характера в партийных актах очень много. Именно они, как представляется, обладают признаком формальной определенности.

4. Гарантированность партийного акта. Ставя вопрос о том, гарантированы ли нормы, входящие в партийные акты, следует уточнить, что понимается под гарантированностью в теоретической науке.

С.С. Алексеев говорил о государственно-властном характере нормы, поскольку она опирается на мощь государства и поддерживается его юридической силой [2, с. 34].

Исследователи советского периода считают, что партийные нормы обеспечиваются партийными же средствами, а в нормах права государство закрепляло лишь самые важные положения политики компартии, те, которые «необходимо проводить в общеобязательном порядке и охранять силой государства» [1, с. 8].

Аналогичным образом высказываются и многие другие авторы. Сила партийных решений, по мнению Ф.Ф. Фаткуллина, опирается не на аппарат принуждения, а на авторитет партии, ее идейное влияние, на ее «опыт, на партийную дисциплину, на партийные методы воздействия...» [30, с. 52].

Правда, в некоторых работах советского периода трудно однозначно решить, только ли авторитетом и идеологией поддерживаются партийные нормы. Например, признается, что решения партии обладают высшим нравственным авторитетом, но при этом директивные акты партии «имеют под собой правовую основу» [7, с. 240].

В некоторых случаях авторами исследований по советскому государству и праву непреднамеренно или целенаправленно дается совершенно иная картина взаимоотношений права и партийной нормы. Например, по мнению Е.В. Куманина, коммунистическая партия выступала «гарантом неуклонного исполнения норм социалистического права всеми субъектами политической системы» [27, с. 136]. Другими словами, партийное решение не нуждается в гарантиях со стороны государства, а само выступает гарантом права. Это соответствовало действительности, тем более, что партия вносила коррективы в акты государства. Решения партийных

съездов, по заключению О.Д. Максимовой, «корректировали и уточняли положения нормативных актов» [21, с. 225].

Но если все-таки считать, что партийные нормы нуждаются в принудительной силе государства, то можно говорить о наличии у партийных актов нескольких форм гарантий.

Первая форма — это непосредственная гарантированность, которой обладают любые нормы права, т. е. партийные решения напрямую обеспечивались принуждением со стороны государства.

Нельзя сказать, что такая форма гарантированности партийных норм очевидна и широко распространена. Однако есть документальные свидетельства того, что иногда партийные решения напрямую и открыто обеспечиваются принудительной силой государства. Например, согласно постановлению Пленума ЦК ВКП (б), использовать зерно с семенных участков на любые нужды, кроме семенных, было запрещено «под страхом уголовной ответственности» [13, с. 338].

Вторая форма гарантированности была свойственна многим партийным нормам. Основной признак этого — наличие в партийных актах норм, обязывающих государственные органы и иных субъектов что-то сделать в соответствии с принятым партией решением. Например, идея продажи излишков крестьянского хлеба принадлежит съезду, а добиться этого должно Советское правительство [10, с. 77]; в русле объявленной партией антиалкогольной кампании Совету Министров СССР предписано «изыскать источники восполнения ресурсов... и выпадающих доходов бюджета...» [19, с. 26]; для решения жилищной проблемы Госплану СССР, министерствам и ведомствам указано провести инвентаризацию жилого фонда [19, с. 257]. В условиях однопартийности и моноидеологии, сращивания государственного и партийного аппарата при доминировании последнего вероятность отказа государственных структур от выполнения партийного предписания исключается. В частности, упомянутое выше постановление утвердило ряд норм касательно решения жилищной проблемы и обязало министерства и ведомства не только их исполнить, но и доложить ЦК КПСС о проделанной работе [19, с. 259].

Такие факты, думается, исключают сомнения в обязательности партийных решений для государственных органов и через них — для всех граждан.

Представляется, что обязывание государственно-властных структур — это полноправная форма гарантии реализации партийных норм. Ее можно обозначить как гарантированность, опосредованную государством.

Третья и самая спорная с точки зрения теории (но не истории государства и права) — это гарантированность, опосредованная правом.

Этот вариант сложнее, и в теории не разработан должным образом, особенно применительно к партократии. Но он очень широко распространен в практике функционирования советских партийных норм.

Опосредованная правом гарантированность означает, что соблюдение нормы партийного акта гарантируется последующим принятием нормативного правового акта идентичного содержания. Именно так можно понимать расхожий лозунг о том, что с первых дней своего существования «советское право было активным орудием проведения в жизнь политики Коммунистической партии...» [8, с. 296].

В практике советского государства не единожды партийный акт становился макетом или проектом последующего декрета, постановления или закона. Такого рода партийные акты следует именовать «правообразующими» [24, с. 99]. К таким правообразующим актам относится Постановление Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» от 26 февраля 1958 года, которое в последующем было подкреплено принятым Верховным Советом СССР Законом СССР «О дальнейшем развитии колхозного строя и о реорганизации машинно-тракторных станций» от 31 марта 1958 года. К этой же категории относится решение об издании Свода законов СССР, которое было принято XXV съездом КПСС, а затем на основании решения Съезда утверждено совместное постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР «О подготовке и издании Свода законов СССР» [24, с. 99].

Список можно продолжить, поскольку эта практика была вполне обычна и распространена: партийное решение о налоговых льготах коллективным хозяйствам воплотилось в декрет СНК с аналогичным содержанием, постановление Пленума о реформе общеобразовательной и профессиональной школы стало нормативным правовым актом после утверждения Верховным советом,

проекты пятилетних планов составлены в соответствии с резолюциями и директивами съездов и т. п. [19, с. 154].

Как признают сами советские исследователи, в соответствии с выраженной в программных документах и решениях съездов, в постановлениях Центрального Комитета партийной политикой принимаются важнейшие законы в стране, развиваются и совершенствуются отрасли и институты советского права [26, с. 230]. На основании изло-

женных аргументов можно заключить, что нормы, содержащиеся в партийных решениях, гарантируются не только партийным авторитетом, но и принудительной силой государства, как прямо, так и в опосредованной форме.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что нормы общего действия, содержащиеся в партийных актах, в полной мере соответствуют признакам нормы права.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров Н.Г.* Право и законность в советском социалистическом обществе. — М. : Изд-во МГУ, 1956. — 36 с.
2. *Алексеев С.С.* Общая теория права : курс в 2 т. — Т. 2. — М. : Юрид. лит., 1982. — 360 с.
3. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права : курс лекций в 2 т. — Т. 1: Основные вопросы общей теории социалистического права. — Свердловск, 1972. — 396 с.
4. *Бошно С.В.* Свойства права // Право и современные государства. — 2014. — № 1. — С. 62—67.
5. *Васильев Р.Ф.* Акты управления (значение, проблема исследований, понятие). — М. : Изд-во МГУ, 1987. — 141 с.
6. *Денисов А.И.* Теория государства и права. — М. : Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. — 532 с.
7. Закономерности развития социалистического государства. — М. : Юрид. лит., 1983. — 368 с.
8. История советского государства и права : в 3 кн. — Кн. 1: Становление советского государства и права (1917—1920 гг.). — М. : Наука, 1968. — 608 с.
9. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898—1988) : в 15 т. — Т. 1: 1898—1917 / под ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. — 9-е доп. и испр. — М.: Политиздат, 1983. — 683 с.
10. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898—1988): в 15 т. — Т. 3: 1922—1925 / под ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. — Изд. 9-е доп. и испр. — М. : Политиздат, 1984. — 494 с.
11. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898—1988) : в 15 т. — Т. 4: 1926—1929 / под ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. — Изд. 9-е доп. и испр. — М.: Политиздат, 1984. — 575 с.
12. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898—1988) : в 15 т. — Т. 5: 1929—1932 / под ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. — Изд. 9-е доп. и испр. — М. : Политиздат, 1984. — 446 с.
13. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898—1988) : в 15 т. — Т. 6: 1933—1937 / под ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. — Изд. 9-е доп. и испр. — М. : Политиздат, 1985. — 431 с.
14. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898—1988) : в 15 т. — Т. 8: 1946—1955 / под ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. — Изд. 9-е доп. и испр. — М. : Политиздат, 1985. — 542 с.
15. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898—1988) : в 15 т. — Т. 9: 1956—1960 / под ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. — Изд. 9-е доп. и испр. — М. : Политиздат, 1986. — 574 с.
16. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898—1988) : в 15 т. — Т. 10: 1961—1965 / под ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. — Изд. 9-е доп. и испр. — М. : Политиздат, 1986. — 493 с.
17. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898—1988) : в 15 т. — Т. 13: 1976—1980 / под ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. — Изд. 9-е доп. и испр. — М. : Политиздат, 1987. — 509 с.
18. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898—1988) : в 15 т. — Т. 14: 1981—1984 / под ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. — Изд. 9-е доп. и испр. — М. : Политиздат, 1987. — 638 с.

19. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898—1988) : в 15 т. — Т. 15: 1985—1988 / под ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. — Изд. 9-е доп. и испр. — М. : Политиздат, 1989. — 670 с.
20. *Курицын В.М.* История государства и права России. 1929—1940 гг. : учеб. пособие. — М. : Междунар. отношения, 1998. — 232 с.
21. *Максимова О.Д.* Законотворчество в Советской России в 1917—1922 годах. — М. : ИКД Зерцало-М, 2011. — 404 с.
22. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое право. — М. : Юрид. лит., 1973. — 648 с.
23. *Марченко М.Н.* Источники права : учеб. пособие. — М. : ТК Велби ; Проспект, 2005. — 760 с.
24. *Минникес И.В.* Источники Российского права: проблемы эволюции : учеб. пособие. — М. ; Иркутск : ГОУ ВПО РПА МЮ РФ, 2009. — 104 с.
25. Научные основы советского правотворчества / отв. ред. Р.О. Халфина. — М. : Наука, 1981. — 318 с.
26. *Нижечек В.И.* Советское право в системе нормативного регулирования социалистических общественных отношений. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. — 456 с.
27. Правовая система социализма : в 2 кн. — Кн. 1: Понятие, структура, социальные связи / отв. ред. А.М. Васильев. — М. : Юрид. лит., 1986. — 368 с.
28. *Пьянов Н.А.* Консультации по теории государства и права : учеб. пособие. — 3-е изд. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. — 583 с.
29. *Раевич С.И.* О характере норм партийного законодательства РКП (к вопросу о создании общепартийного кодекса) // Советское право. — 1923. — № 3 (6). — С. 92—100.
30. *Фаткуллин Ф.Ф.* Политические нормы социализма. — Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 1988. — 120 с.
31. *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права : учебник. — М. : Юристъ, 2003. — 395 с.